

ДОРОТА РАНЦЕВ-СИКОРА,
Гданьский университет

Конфликт в польском экологическом дискурсе: попытка конверсационного анализа¹

Abstract

In this article the author tries to explain a nature of conflict within the Polish ecological discourse. The major four groups of amateurs and professionals were the subject of consideration: professional ecologists, the participants of environmental social movement, forest rangers and licensed hunters. The author analyzes selected publications from 8 journals for the years 1992–2001. The main problems analyzed were such: group identities, conversational styles — conflict behavior. The research resulted in a description of group cultures, which are characteristics of different cultural systems: feudalism (hunters), Enlightenment (professional ecologists), industrialism (forest rangers) and post-industrialism (environmental social movement). The conclusion was that cultural differences between discourse participants are essential thus effective communication between them seems doubtful.

Введение: охрана природы как тема публичного дискурса в Польше

Экологический дискурс занимает особое место среди наиболее важных публичных дискуссий, которые ведутся в Польше. Его специфика обусловлена несомненной весомостью этой темы для построения будущего, высокой заангажированностью субъектов природоохранной деятельности и одновременно недостаточностью экологической мотивации политических решений. В рамках экологического дискурса мы имеем дело не только с разнообразием позиций, представляемых разными группами, но и с различными “способами высказывания” по обсуждаемой проблеме, в том числе в кругах специалистов.

¹ Rancew-Sikora D. Konflikt w polskim dyskursie ekologicznym: próba analizy konwersacyjnej // Studja Socjologiczne. — 2002. — 4(167). — S.67–84.

Согласно предварительным данным, на публичной арене по теме охраны природы высказываются: специалисты-экологи, участники проэкологических общественных организаций, лесничие, охотники, представители власти, служащие, оппозиционные политики, журналисты, гидрологи, рыболовы, производители “экологических” товаров, представители творческих объединений и разных общественных движений, а также разрозненные любители, которых волнуют проблемы охраны природы. Объектом нашего анализа стал дискурс четырех первых групп (профессиональных экологов, проэкологических общественных деятелей, лесничих и охотников), поскольку это те группы, для которых участие в природоохранной деятельности и построение ее концепции являются, по крайней мере официально, первостепенными целями — которые, с одной стороны, обосновывают смысл существования этих групп, а с другой — обеспечивают им статус авторитетов в дискуссии по природоохранной деятельности.

Цель данной статьи — описание выбранных групп как специфических сообществ дискурса со свойственными им историей и идеологией, процессами обретения идентичности, референтными формами коммуникации, типами межчеловеческих отношений и интеракционными потребностями [см.: 2]. Практика участия в дискурсе будет трактоваться как отражение существующих общественных сил и отношений между ними.

Метод исследования

Теоретическая база анализа дискурса

Анализ дискурса, конверсационный анализ и лингвистика текста являются дисциплинами, сосредоточенными на исследовании организации языкового поведения человека на высшем по сравнению со структурой предложения уровне [2, с. 19–21]. Эти изначально разные дисциплины ныне сблизились в ходе общего поиска схем высказываний, используемых говорящими в зависимости от ситуации, темы, общественных отношений и коммуникативной цели. Современный анализ высказываний заключается в выявлении процессуальных, функциональных и интеракционных аспектов коммуникации, связанных с общественными процессами, в которых создаются и интерпретируются высказывания. Если обратить внимание на социальное содержание высказывания, мы убедимся в отсутствии объективных, недискурсивных форм использования языка. С помощью анализа структуры и содержания языкового высказывания можно выявить стратегии участников интеракции, представляющие собой ряд последовательно принятых решений [15]. Такие стратегии, как правило, имеют внеязыковую мотивацию и внеязыковую цель.

Общепризнано, что дискурс — это совокупность сообщений, имеющих место в общественном обороте [1, с. 10]. Среди социологических исследований особого внимания заслуживают интерпретации дискурса как игры, в которой участвуют сборные команды, созданные и признанные определенными социальными группами [см.: 12]. Представление о сборной команде связано с мнением о том, что знание — это продукт сознания не отдельных людей, а групп, к которым эти люди принадлежат.

Публичный дискурс часто имеет характер общественного конфликта. Пьер Бурдьё в своей концепции политики символизации связывает принад-

лежность к группе с символическими процессами [см.: 6, с. 182 и след.]. Согласно этой концепции, признание себя членом определенной группы детерминирует действия, чувства и способ восприятия действительности. Ангажированность в деятельности группы определяет, какие дела участники посчитают важными и достойными реализации, какие проблемы вызовут у них эмоции и послужат сигналом к действию. На этом основании постепенно выстраивается пространство межгрупповых отношений. Представители различных групп, которые пользуются разными концепциями действительности и разными аргументационными стратегиями, состязаются за контроль над господствующей системой значений [5]. Правильно подобранный символ, использованный в высказывании, способен породить групповые чувства и управлять воображением. Порой символ оказывается более сильным фактором для создания групповой консолидации и лучше мобилизует к действию, нежели утилитарный интерес. Власть состоит в контроле над процессами символической координации деятельности, а символ — орудие этого контроля.

Согласно Мишелю Фуко, дискурс является принципиально социальным процессом, охватывающим все уровни общественной жизни [см.: 9]. Дискурсивные практики воплощаются в институциях и образцах поведения, они присутствуют в повседневных разговорах, сообщениях, рекомендациях и запретах, обнаруживаются в конкурирующих концепциях. Наблюдения за повседневными социальными практиками выявляют регулярность, порождаемую социальными силами и отношениями. Знания, которыми пользуются члены социальных групп, возникают из общественных состязаний и конфликтов, кристаллизируются в результате восприятия или отрицания их властью. Общественная власть, в свою очередь, неразрывно связана с системой создаваемого и наявного знания. Взаимосвязь власти и знания, практики и правил общественной жизни не создает иерархического, слитного образа общественной действительности. Мир дискурса состоит из множества дискурсивных элементов, которые находят применение в разнообразных стратегиях.

Обсуждая проблематику дискурса в социологии, нельзя обойти вниманием работы Т. ван Дайка [14; 15]. Этот автор подчеркивает связь дискурса со структурами власти в более традиционном понимании, нежели у Фуко. Осуществляемый им критический анализ дискурса маркирован моральной оценкой: он ставит своей целью изобличение доминирования (злоупотребления власти) и неравноправности в дискурсе, связанной с “ущемлением” более слабых субъектов, для которых недоступны “основания власти”: информация, масс-медиа, авторитет. Не удивительно, что основной конфликт автор располагает на границе: представители власти — акторы повседневной жизни, чьи интересы не могут быть репрезентированы в публичном дискурсе, в котором преобладают более сильные группы.

Подводя итог, можно утверждать, что дискурс — это явление динамическое, имеющее сложную структуру, поскольку охватывает многочисленные изменчивые во времени коммуникативные ситуации высказываний. Для социологического анализа публичного дискурса, являющегося предметом нашего интереса, следует прежде всего определить его тематические, временные и институциональные рамки, а также субъектов — истинных авторов отдельных высказываний и выразителей разных взглядов. Кроме языковых вы-

сказываний, касающихся групп, которые принимают участие в дискурсе, важным для анализа может стать привлечение значимых внеязыковых событий. Анализ дискурса — это метод исследования публичных дебатов, позволяющий выявлять принципиальные перспективы и стратегии отдельных субъектов, а также возможные осложнения в достижении консенсуса.

Характеристика исследуемых групп

Среди всех участников экологического дискурса для анализа выбраны четыре группы, к которым относятся: 1) биологи с экологической специализацией, преимущественно научные работники или специалисты-экологи; 2) участники экологического общественного движения, охватывающего широкий спектр проэкологических организаций; 3) лесничество, работающие в Польском государственном лесничестве; 4) охотники, объединенные в Польском союзе охотников.

Это группы, для которых концепции защиты природы составляют важный предмет дискуссий и согласований, а определение концепции отражает внутри- и межгрупповые расхождения. Представители групп, о которых идет речь, зачастую функционируют в общественных организациях разного уровня формализованности: в “свободной” организации экологического движения, чрезмерно формализованных бюджетных исследовательских институтах и институциях защиты природы, бюрократизированном предприятии “Государственные леса”, имеющем четкую иерархическую структуру. Границы между обсуждаемыми группами размыты. Это приводит к тому, что некоторые профессиональные экологи и лесничество участвуют в экологическом движении; в проэкологических организациях наблюдается процесс профессионализации, отражающийся, наряду с прочим, в привлечении специалистов [3, с. 364 и след.]. В сфере деятельности лесничих находятся также научные и природозащитные институты, а многие охотники являются сотрудниками Государственного лесничества. “Смешанное” членство, внутреннее организационное, функциональное и региональное многообразие больших групп государственного уровня мешают охватить образ взаимоотношений и размывают характер обсуждаемых групп. В рамках предлагаемого анализа обратим внимание именно на внутреннее единство и на различия между группами по способу участия в дискурсе.

Каждая из анализируемых групп имеет собственные, “авторские” издания. Материалом для контент-анализа послужили журналы, публикующие природоохранные статьи: “Дикая жизнь” — проэкологический ежемесячник общественной организации под названием “Лаборатория защиты всех существ”; “Польский лес” и “Эхо леса” — издания лесничих; “Польский охотник” — ежемесячник Польского союза охотников; “Природный обзор”, “Берегите родную природу”, “Terra Sana” и “Национальные парки” — журналы, издаваемые профессиональными природоохранными организациями. В анализе учтены статьи названных журналов, которые увидели свет в 1992–2001 годах.

Наиболее спорным вопросом может быть степень, в которой опубликованные в “Дикой жизни” тексты репрезентируют коммуникативные стратегии экологического движения, характерной особенностью которого, на фоне других групп, является крайне высокий уровень внутреннего разнообразия, как с организационной, так и с идеологической точки зрения [см.: 3,

с. 288 и след., 394 и след.]. Другими “авторскими” источниками движения, отражающими указанную разнородность, являются, в частности: “Зеленые бригады”, “Бюллетень польского экологического клуба”, “Гражданин”, “Зеленая альтернатива”, “Колонна”, “Капля”, а также Интернет-дискуссии. Польское движение зеленых в значительной мере неформально, в нем преобладают спонтанно создаваемые горизонтальные структуры. Для отдельных участников характерно неприятие формализованной деятельности. Внутренний организационный раздел в рамках движения обусловлен местной направленностью отдельных организаций и разделением труда, заключающимся в специализации в пределах некоторых тем. Различение идентичности групп описано Глинским в таких измерениях: радикальность — компромиссность в деятельности, настроенность на моральный протест — прагматизм, экспертный характер групп — дилетантский, экология действия — экология духа, независимость — сотрудничество с окружением. Не способствует интеграции бескомпромиссный характер отдельных центров, а также тенденция защищать чистоту своей идентичности. Несмотря на попытки создания сборной идентичности участниками движения, их по-прежнему разделяют аксиологические различия, а в публичном образе проэкологических организаций доминируют групповые идентичности. Учитывая такую сложность ситуации, мы отважились сконцентрироваться на примере одного журнала и одной организации, которая, по нашему мнению, имеет наиболее специфический для общественного движения характер, без ощутимых научных или прагматических примесей.

Проанализировано несколько десятков текстов, характеризующих разговорный стиль каждой из четырех обсуждаемых групп: профессиональных и общественных экологов, лесничих и охотников. Тексты отобраны по содержательным критериям — почти в каждом номере анализируемых журналов опубликованы один-два текста, касающихся принципиально важных дел с точки зрения социальных характеристик групп: ценностей и целей группы, рекомендуемых методов деятельности, групповой идентичности, отношения к авторитетам, описания внутри- и межгрупповой коммуникации, идентификации угроз, а также определения союзников и противников на поле межгрупповых отношений. Учитывая главный предмет, вокруг которого велась дискуссия, крайне важно было определить прагматические предпочтения относительно таких понятий, как: “природа”, “натуральность”, “общественные потребности”, “будущее”, “лес”, “интеграция человека в природные процессы”, “биоразнообразие” и “экология”. Каждый текст проанализирован также с точки зрения использованных в нем языковых форм: эмоциональности высказываний, употребления безличных и личных форм, разговорных и специальных оборотов, заимствований из языка, характерного для других групп, метафор, цитат и парафраз. Среди разных типов текстов, опубликованных в журналах, в основном анализировались “характерные” тексты, адресованные членам собственной группы и написанные преимущественно с информационной целью, а также “полемические” тексты, в которых авторы непосредственно ссылались на высказывания представителей других групп и оценивали их деятельность.

В ходе анализа доступных материалов первый этап заключался в общем понимании цели и содержания текста, а также в отборе высказываний, наиболее характерных с точки зрения всего текста. Цитаты классифицирова-

лись в зависимости от перечисленных выше тем отдельно для каждой группы. Сопоставление сгруппированных цитат как в плане стиля (в большей мере), так и по смыслу (на который обращалось меньше внимания) позволило выделить характерные “культурные образцы” рассуждений и высказываний представителей исследуемых групп.

Далее представлена характеристика особенностей дискурса на примере следующих проблем: определение идентичности группы, конверсационные стили, способы участия в конфликте.

Результаты анализа

“Мы — самые крупные экологи” — способы определения групповой идентичности

Представители каждой группы, участвовавшей в дискурсе, по крайней мере иногда используют определение “экологи” применительно к членам своей группы. На первый взгляд, такая групповая идентификация могла бы послужить предметом для дискуссии в отношении различных концепций охраны природы в Польше, поскольку связана с признанием определенного типа знания и проэкологических ценностей и с декларированием задач природоохранной деятельности. Однако определение собственной группы как коллектива экологов не всегда представляет собой первичную, основную дефиницию в плане идентификации данной группы. Анализ высказываний участников дискурса предполагает, что самоопределение идентичности как “эколога” зависит от ситуации высказывания и актуальности реализуемых целей, поэтому имеет не сущностное, а скорее стратегическое значение в конкретном дискурсе.

Ученые используют автодефиницию “экологи” в формальном значении: когда имеют в виду специальную область знания, с которой могут быть связаны образованием или тематикой проводимых исследований. Экологи-ученые порой отождествляют себя с более широким “экологическим центром”, к которому относятся и общественные проэкологические организации. Таким образом они поступают в ситуациях, когда выражают поддержку действий участников движения или сами участвуют в нем. Ситуативное и ограниченное во времени присоединение к акции “зеленых” влечет за собой позитивную оценку конкретных акций в плане их содержания и формы, а также декларирование специалистами особой системы ценностей. Когда деятельность общественных активистов не одобряется, биологи “отмежевываются” от деятелей общественного движения ради защиты собственного привилегированного статуса, связанного с высоким уровнем профессионализма и объективности. Тогда они употребляют самоидентификации более общие, например: “польские ученые”, “научные работники”, “научный круг экспертов”, “научные центры”, “специалисты” или еще более безличные: “комитеты”, “институты” и “советы”.

Для участников общественного экологического движения номинация “экология” бывает слишком “слабой”, чтобы очертить собственную специфику. Общественные деятели чаще отождествляют себя с “глубинной экологией”, которая в значительной степени ассоциируется с моральными ценностями, а не со специальным образованием. “Мелкая экология”, по их мнению, касается начинаний разовых, незавершенных, не вполне осознанных и

слабо ангажирующих участников. Сторонники глубинной экологии называют себя “людьми, которым дана мудрость”, “людьми, которым открыты истина и путь”. Стилистика такого типа самоопределений вызывает непосредственные ассоциации с языком религиозных общностей, которые дополнительно усиливают высказывания людей разных убеждений: “кто такие люди, слепые к знаниям”, “неразумные”, “люди внутренне несчастливы из-за несправедного образа жизни”, “люди, прибегающие к непрерывной лжи и тоскующие по счастью”.

Лесничие чаще всего называют “экологами” естественников или общественных деятелей, не имеющих лесоводческого образования. Однако по мере расширения круга людей, воспринимающих экологические знания, а также усиления общественных и экономических требований касательно экологизации лесного хозяйства (которые нередко выдвигают другие страны), документы лесной администрации все чаще наполняются экономическими понятиями и постулатами. Экология, адаптированная к программированию лесоводческой деятельности, связана с лишними проблемами, поскольку предполагает изменение ранее обязательных правил деятельности и не всегда оказывается экономически выгодной. Экологические постулаты, приобретающие характер постепенно внедряемых реформ, принимаются в основном тогда, когда поступают от руководства лесничеств. Называние членов собственной группы “экологами”, видимо, имеет для лесничих тактическую цель: ослабить противника в дискурсе. Примеры высказываний, направленных на нейтрализацию, скажем, таковы: “мы — самые крупные экологи”, “лесничие всегда, уже в течение 200 лет, были и остаются первыми экологами”, “мы — экологи-практики”.

Обоснованием современной охотничьей деятельности является “разведение популяции животных для охоты”, а значит, включение охоты в сферу проэкологической деятельности. Это выражается в непосредственных утверждениях типа: “современная охота есть отраслью прикладной экологии”. Несмотря на это, в текстах охотничьих журналов больше распространен образ экологов, не относящихся к разряду охотников и являющихся группой, которую пренебрежительно представляют как “сентиментальных”, нерациональных “любителей животных”, “зеленых идеологов-недоучек”, “спасителей мира”, а также “профессиональных и дилетантских защитников животных”.

Конверсационные стили

На первый взгляд, наиболее объективный, безличный стиль высказываний характерен для профессиональных экологов и лесничих. Он довольно сильно контрастирует с бодрым, полным вкраплений из личного опыта языком публикаций охотничьих и общественных проэкологических организаций. У профессиональных экологов и лесничих эмоции и личные предпочтения ощутимы только в открытой полемике.

Тексты, публикуемые профессиональными экологами, принципиально делятся на две группы: научные статьи и адресованные общественности заявления. В статьях экологию называют “основой современной охраны природы”, “рассматривающей объединенные популяции растений и животных в их отношении к физическому окружению”. Для экологии характерна специфическая лексика (биосфера, биоценоз, места расселения, антропогенная среда, биотоп, производители, потребители, редуценты и т.п.), каждое

понятие точно определяется, подается в связи с другими понятиями как элемент теории. В “заявлениях” язык экологов теряет свою специфику и приобретает роль зеркала научной среды современного общества. В текстах подобного типа экологи предстают как авторитет и безличные структуры. Это — комитеты, институты, советы, коллективы научных работников, участвующие в заседаниях и совещаниях, создающие программы и проводящие экспертизы, рассматривающие дела, высказывающие соображения, рассматривающие вероятные эффекты, предлагающие изменения, дискутирующие, информирующие о результатах исследований, продвигующие предложения по регулированию, директивы, запреты, обращающиеся к властям, оказывающие сопротивление, предостерегающие, указывающие на опасности и преимущества, на ошибки и т.п. Решительный тон подобных заявлений производит впечатление гораздо большего влияния ученых на принимаемые в сфере охраны природы решения, чем есть в действительности. Таким образом научный дискурс работает на укрепление своих позиций и формой высказывания выражает несогласие с существующей расстановкой сил. На практике программы и рекомендации, выработанные научными центрами, довольно редко существенно влияют на решения власти, и авторы текстов это, как правило, понимают.

“Дикая жизнь” публикует на своих страницах интервью, рассказы о персоналиях и книгах, информацию об экологических угрозах и проэкологических акциях, описание ценных в природоведческом плане местностей, профессиональные и туристические впечатления, философские размышления, перепечатки из других изданий, отчеты о деятельности организаций. Особое место в этих публикациях занимают рассказы о людях, являющихся моральными авторитетами для деятелей проэкологического движения. С целью углубления связи авторитет—читатель этих людей часто представляют в свете их биографических данных, публикации сопровождаются фотографиями. “Мастера” дидактической деятельности используют общие для духовных институтов методы: церемонии, ритуалы, ссылаются на религиозных духовных мастеров Дальнего Востока и на религиозные метафоры: “Лес — это святыня”, “Первейшим откровением ныне является экология”, “Труд на духовном уровне”, “Должны засвидетельствовать”, “Намерения важнее самой деятельности”. К научному знанию они относятся несколько амбивалентно, отмечая, что наука является исходным пунктом и основой “истины”, но “не годится для создания целостного видения”.

Проэкологические организации, входящие в состав презентруемого движения, не представляют собой однородного культурного течения. “Лаборатория защиты всех существ” является весьма радикальным ответвлением, более умеренные организации приближаются по своему характеру к профессионалам. Радикализм движения обеспечивает прозрачность, четкость позиции в экологическом дискурсе и необходимую критичность, но вместе с тем снижает доверие к деятелям среди профессионалов, связанных юридическими и экономическими обязательствами.

Тексты, публикуемые в журналах лесничих, достаточно хорошо отражают специфику языка и интеракции в пределах этой группы. Коммуникация в “Государственном лесе” базируется на курсировании документов, вертикально проходящих через организационные структуры, что обнаруживает бюрократический характер группы. От руководства исходят приказы,

распоряжения, инструкции, директивы, задачи, планы; снизу поступает документация об изменениях, отчеты, документы бухгалтерского учета, инвентаризации. Среди очерченных целей доминируют: “профессиональное ведение лесного хозяйства”, “рациональное использование лесов”, “современное истолкование охраны среды”, “соответствие актуально обязательным документам”, “лесонасаждение”, “обеспечение реализации внепроизводственных функций леса”. Среди методов общественной деятельности преобладает “принятие решений на заседаниях и реализация их под контролем” “специальных Лесничих служб” и “надлежащим надзором”.

В практике и методах деятельности лесничих прослеживается отрицание конфликтного характера охраны природы и ориентация на получение экономической выгоды, связанной с производством и продажей древесины (“оказывается, можно весьма успешно сочетать экономические интересы со стремлением сберечь от уничтожения многочисленные виды растений и животных”, “в таком случае нет конфликта с экономикой, а есть стимул для экономики”). Но даже в освещении основных ценностей, которыми руководствуются лесничие в своей деятельности, чувствуется акцент на потребительской, инструментальной ценности леса и природы в целом как призванных служить человеку (“для нашего блага и блага охраняемых территорий”, “защита природы означает в итоге защиту самого человека и мира, в котором он живет”, “никогда не знаешь, пригодится ли в дальнейшем и для чего данный вид”). Одним из методов аргументации является употребление понятия “охрана лесов”, имеющее принципиально иное значение, чем охрана природы как таковой: оно касается деятельности, направленной на получение древесины высшего сорта путем борьбы с насекомыми и грибами, пожарами или угрозами со стороны метеофакторов.

“Польский охотник” публикует тексты различного типа: отчеты о деятельности Польского союза охотников, интервью, описания видов животных, перепечатки и исторические повести, фотографии охотников с добычей, советы по обращению с оружием, описания охотничьих приключений, презентации художественных произведений и ремесленных изделий по охотничьей тематике. Язык охотничьих публикаций создается в значительной мере благодаря символам, которые “культивируют лучшие национальные традиции” и поддерживают единство этой группы через ритуалы, награды, стрелковые соревнования, выставки трофеев, литературные конкурсы и беседы. Замечательной иллюстрацией живого стиля описания охотничьего опыта служат следующие фрагменты опубликованных высказываний: “больше всего эмоций дает индивидуальная охота”, “случаются эффектные выстрелы”, “нос собаки — это третье дуло”, “самое главное — сдерживать эмоции и не выстрелить слишком рано”, “Собственно, именно сдержаться (...) бывает труднее всего”, “вот так впервые в жизни гордый и бледный я очутился один на ловле, с винтовкой за плечами и поясом, полным патронов”, “сердце мое стучало, как молот”, “я тут же выстрелил в него из обоих стволов моей шестнадцатки”, “возвращался с охоты без единого свободного ремешка”.

Участие в конфликте

Лесничие и охотники чаще всего наблюдают присутствие экологов в конфликтных ситуациях, когда деятельность и высказывания экологов угрожают их интересам или препятствуют нормальному ходу деятельности

(“экологи лидируют в критике лесного хозяйства”, “экологи уже несколько лет пытаются атаковать и поучать лесников”). В дискуссии с экологами аргументация опирается на противопоставление реализма мышления лесничих и экологической утопии, а также многолетнюю традицию лесного хозяйства и охотничьего дела в противовес непроверенным инновациям экологов. Для экологов многочисленная и мощная представленность лесников и охотников является постоянным “контекстом” любой деятельности и пунктом отнесения при создании и высказывании собственных концепций.

Конфликтное поведение всех сторон оказывается схожим. В полемических текстах доминирует тон негодования и гнева (“организаторы умолчали о встрече”, “хотят перевернуть вверх ногами”, “вылезло шило из мешка”, “нас ждет борьба”), а также ироничной вьедливости (“трудно писать о том, что по своей сути смехотворно”, “меня всегда удивляет любовь автора к лесу”). Делаются попытки отказать в компетентности противной стороне (“те, кто издал последний закон и, прости Господи, распоряжения к нему”, “текст производит впечатление весьма научного”), предпринимаются персональные атаки (“господин доктор никогда не был лесничим по образованию или на практике”, “чрезмерные амбиции автора”), а также приписывание морально предосудительных мотиваций (“застолье, деньги и другие выгоды важнее блага родной природы”, “чтобы умерить аппетит на 4,5 миллиона долларов — выгодно было поманипулировать таким популярным ныне лозунгом”). У всех сторон нередко можно обнаружить упреки в “желании захватить” природные просторы, чаще всего леса, путем влияния на решения о предоставлении хозяйственного или охраняемого статуса данной территории, что связывается с назначением другой администрации. Аргументацию скандала в итоге можно свести к “лишению права голоса в природоохранных делах” отдельных лиц или групп.

В контексте осознаваемого конфликта попадают высказывания в пользу объединения (“я лично всегда реагирую, когда раздаются агрессивные слова со стороны дискуссионщиков”), в которых участники подчеркивают общность главной цели (“все стремятся к тому, чтобы было лучше”, “правильное понимание интереса лесов требует полной гармонии деятельности экологов и лесничих”, “охрана леса требует взаимопонимания обеих сторон”), а также стараются оценить профессиональность и достижения второй стороны или перевести дискуссию на более конкретный и рациональный уровень (“я не намерен определяться в своем отношении ко всем на этот момент высказанным, написанным и не написанным мыслям, поскольку для блага дела не следует их приводить, ибо они очень часто были подвержены влиянию эмоций”).

Все группы ищут для своих высказываний поддержки во внешних силах. Каждая прибегает к подобным методам для усиления собственной правоты. Сходство такого рода языковых стратегий свидетельствует о том, что они не являются специфическими для описываемых групп, а скорее зависят от более широкого культурного контекста дискурса. Главным принципом осуществляемой деятельности является забота о будущем и об обществе, что связано с познанием потребностей и ожиданий общества. На языке проэкологических организаций это борьба за “непрерывное продолжение эволюции, обеспечивающее всю сложность жизни на земле” и “моральный выбор между удовлетворением стремлений нынешнего и будущих поколе-

ний”. У лесничих это имеет характер сохранения для общества “эстетических и отвечающих отдыху ценных ландшафтов”.

Часто опорой аргументации ищут в науке. С этой целью используют результаты научных исследований, публикации, высказывания научных авторитетов, вспоминают лекции, конференции, сессии и семинары, сотрудничество с высшими учебными заведениями и научными институтами.

Еще одним сильным союзником аргументации является закон в виде цитируемых постановлений, решений и распоряжений.

Одним из наиболее мощных аргументов в презентации взглядов является “мир” за пределами страны, представленный публикациями и научными авторитетами, а также организациями, обязательствами и международными конвенциями. Поддержка со стороны международных институтов остается самым сильным и порой окончательным аргументом. Возможно, исключение составляет аргументация охотников, чаще акцентирующая значение прошлого и народа, а также поддержку государственной власти и церкви. Охотники с готовностью принимают на своих импрезах представителей власти. Известна встреча руководства Польского союза охотников с примасом Польши. О силе влияния охотничьих организаций свидетельствует присутствие на их общепольских съездах парламентариев, министров, представителей администрации лесничих и военных, “декларирующих волю к сотрудничеству”, а также письма от президента Квасневского и главного коменданта полиции. С другой стороны, представители власти становятся объектами острой критики, поскольку ограничивают сферу свободы ПСО (“в министерстве возродились силы, которые противостоят польской охотничьей модели”, “ни с того, ни с сего, вдруг костью в горле застрял министерским служащим устав ПСО”, “другими словами, речь идет о том, чтобы министерские служащие могли нами управлять, как им заблагорассудится”).

Характеристика групповых культур

Каждая из обсуждаемых групп по-разному борется за свое существование, укрепление внутреннего единства, каждая иначе типизирует свое общественное лицо, что в целом образует разные групповые культуры.

С точки зрения структуры, определяемой количеством членов, централизацией власти, степенью формализации и бюрократизма организации, материальными средствами, наиболее сильной является группа “Государственные леса”. Сила этой организации непосредственно проявляется в представленности лесничих на всех ступенях власти в сфере охраны природы. Ученые-экологи имеют относительно высокую символическую власть, однако их влияние на решения на каждой ступени ослабляет экономическое лобби (в том числе лесничих). В свою очередь, охотники отличаются развитой охотничьей символикой и обращением к богатым традициям, благодаря чему им удалось создать довольно крепкий союз [см.: 10]. О прочности этой группы свидетельствует, в частности, почти стопроцентное присутствие делегатов на общих съездах и единодушные голосования. Потенциалом экологических общественных движений являются зарубежные контакты, zaangażованность участников, участие молодежи и выразительная драматургия радикальных действий.

Общественно-структурные переменные проявляются в наблюдениях за конфликтом в экологическом дискурсе. Наиболее сильные группы пытаются смягчить силу конфликта и игнорировать наличие неприятелей, слабые группы утверждают свою идентичность в оппозиции к господствующим силам и по-разному переживают фрустрацию, либо в виде чувства безнадежности, недостатка влияния, апатии, либо в форме агрессии, что соответственным образом окрашивает стиль деятельности организации.

Выразительное различие групповых культур отражается в отдельных конверсационных стилях, презентованных членами описываемых групп. Отвлекаясь от внутренних расхождений высказываний и подчеркивая различия между группами, мы решились на поиск аналогий в аргументационных стратегиях групп, определяя те общественные категории, для которых конкретный тип аргументации может оказаться наиболее убедительным. По нашему мнению, они образуют отдельные культурные образцы, которые позволяют выяснить специфику описываемых групп.

Профессиональные экологи пользуются языком **науки**. Этот язык избегает названия конкретных лиц. Главным аргументом в науке является знание, а важнейшими составляющими знания — законы природы, существующие независимо от человека. Правила, по которым строятся тексты, подчинены логике и поэтому могут сильнее влиять на **интеллектуалов**.

Ученые стремятся не проявлять заангажированности в борьбе за ценности и заинтересованности практикой, поскольку это могло бы лишить их привилегий объективности и нейтральности позиции [см.: 18]. Однако намерение избежать заангажированности мешает им занять сильную, однозначную позицию в дискурсе и тоже составляет предмет критики со стороны других, более заангажированных сторон. Ученые постоянно жалуются, что их знание в целом не получает надлежащего признания, поскольку те, кто занимается практической деятельностью, не ощущают необходимости в существовании научных знаний [20]. Трудности возникают в новых ситуациях, в отношении которых не существует образцов поведения и которые сложно определить. Тогда люди обращаются к лидерам, способным распознать состояние вещей и предложить план действий. Тогда-то и открывается поле деятельности для ученых, которые как знатоки дела могут предоставить лидерам знания, необходимые для принятия правильных решений.

Лесничие нередко используют язык **практики**. В этом языке наиболее существенной является нацеленность на практическую приемлемость реализуемых целей и на удовлетворение текущих потребностей. Практические размышления отличаются реализмом, учитывают ограничения, вытекающие из экономических и юридических условий, а также отвечают ожиданиям власти. Дух их практики проникнут конформизмом, а методы деятельности заключаются в постепенных реформах и бюрократических мерах. Стиль подобных текстов ближе **всего работающим людям**.

Принадлежность к идеальному типу бюрократии лучше всего отражает практическая рациональность повседневного функционирования “Государственные леса” [см.: 17]. Этот тип общественной организации является совершенным воплощением рациональности современного предприятия. Это олигархическая система, в которой, в соответствии с иерархией должностей, меньшинство руководит большинством. Чертой современных общностей является состояние, при котором одновременно с развитием техниче-

ких знаний укрепляется система, уменьшаются автономия индивида и возможности противостояния системе. Цель бюрократической системы — прежде всего выживание. “Разум впрягается в общественный процесс. Единственным критерием становится его операционная ценность, его роль в процессе господства над людьми и природой” [7, с. 263]. Подчиняясь требованиям экономической эффективности, влиятельные группы не принимают аргументов, опирающихся на разум, если те существенным образом не затрагивают их интересов.

Для проэкологических **общественных деятелей** характерен язык утопии. Важнейшие черты этого языка таковы: радикальная критика реальной ситуации, решительная нацеленность в будущее, предложение культурной альтернативы, недостаток восприятия партикулярных интересов и требований практики, нонконформизм. Тексты подобного рода могут быть особенно убедительными для **молодых людей**.

Сторонники утопии обычно не являются сторонниками реформ [11]. Они не усматривают положительных моментов в существующем мире и потому хотят заменить актуальный порядок новым. Для утопических рассуждений характерна сильная, конфликтная напряженность между идеалом и действительностью. В истории обычно случалось так, что утописты не намеревались преодолевать зло с помощью силы, скорее действовали мирно, воздействуя собственным примером и примером своих приверженцев. Все компромиссы с господствующими силами таят угрозу утопии, поскольку могут привести к размыванию границ между существующим и должным. Утопическое мышление содержит триаду противопоставлений: наука, реализм и консерватизм (любопытно, что в случае анализируемого дискурса эти противоположности “воплотились” в ипостаси трех остальных групп). В проэкологической утопии важны гетерогенная структура знаний и организации, обращение к внерациональному и внепрактическому опыту, ценностям ритуала и изначальности, укорененности в абсолютных ценностях, пренебрежение к рынку и потребительству, игнорирование авторитета политической, финансовой, экономической власти современного общества. Такие черты составляют альтернативу новым культурным образцам, и потому их можно вписать в контекст культурного постмодерна.

Охотники, в свою очередь, в высказываниях ссылаются на **традицию** и наследие элитарной культуры. Они описывают свои переживания и используют дворянскую символику. Во многих текстах можно заметить аллюзии на принадлежность к высшим сферам и высокомерие оратора. Этот язык ассоциируется с принадлежностью к определенным классам и убедителен для элиты.

В элитной среде четко придерживаются классового деления, а наиболее существенной чертой сегрегации служит разделение по занятиям, которые могут выполнять члены определенных классов [16]. Занятия, считавшиеся в феодальном обществе благородными и почетными, предполагали мужскую силу, героические черты, давали повод к благородным поступкам и выдающимся достижениям. К таким достойным занятиям относились: правление, ведение войны, охота, религиозные обряды и спорт. Одной из форм утверждения собственной ценности было состязание за трофеи и добычу. И хотя в современном обществе доминируют другие формы агрессивной борьбы и престижа, нежели во времена феодализма, охота остается формой досуга,

присущей высшему классу. Наследием прошлого можно объяснить образование общностей из представителей власти (государственной, военной, лесничей, церковной) на охотах и сопровождающих их импрезах. Однако в наше время, несмотря на “лелеяние” охотниками традиций и культурных символов эпохи феодализма, вкус к охоте и соответственные сентименты опираются, по нашему мнению, скорее на подсознательные мотивации.

Выводы

В результате приведенного анализа вырисовывается зависимость групповых культур от исторического контекста, в котором они возникли. Нами была исследована специфика групповых культур, выявленная в форме публикуемых высказываний, логика которых отражает четыре различных формации дискурса: феодализм (охотники), Просвещение (профессиональные экологи), индустриальную (лесничие) и постиндустриальную эпоху (общественное экологическое движение). Сходство самых общих деклараций этих групп остается недостаточным для их консенсуса, поскольку происходит столкновение разных типов ментальности. Общая территория деятельности и участие в дискурсе одного тематического пространства предвещают скорее дальнейшие конфликты. Различие культурных образцов, лежащих в основе рассуждений участников различных групп, усложняет восприятие аргументации противников. С принадлежностью к определенной групповой идентичности связана эмоциональная заангажированность, блокирующая возможности познания. Моделируя реалистическую картину будущего, лучше не надеяться на взаимопонимание, а осознать глубоко укорененные расхождения. Представители обсуждаемых групп часто воспринимают других участников экологического дискурса как реальную угрозу. Поиск внешних врагов для некоторых групп является путем снятия внутренней напряженности и укрепления группового единства [12, с. 245].

Способы высказывания участников экологического дискурса, принадлежащих к различным группам, характеризуются значительным сходством. В принципе, это сходство касается поиска усиления собственной правоты в научных аргументах и контактах с западным миром. При конфликтном поведении с каждой стороны возникают одинаковые обвинения в скрытом стремлении нечестно завладеть крупными ассигнованиями или получить нераздельную власть. Это может пролить свет на сущность общего культурного контекста. Общая культура связана с длительной историей формирования современной ментальности в состязании мифа с разумом. Каждый очередной этап культурных изменений сохраняет черты прошлого, которое, благодаря этому, имеет шансы многократного возрождения [4]. Можно утверждать, что рациональные, моральные и религиозные элементы переплетаются и сосуществуют, более или менее явно, во всех представленных типах рассуждений. Например, претензии науки на создание универсального мировоззрения должны опираться на веру в науку (которая сегодня пошатнулась) [8, с. 314]. Асимметричный характер отношения “знатоки науки — профаны” приводит к тому, что акторы обыденного мира не способны ориентироваться в представлениях, возникающих в рамках науки, и могут им только верить. В экологическом дискурсе каждая сторона претендует на роль такого знатока и соревнуется за собственный авторитет. Компетенция

местных авторитетов выходит за пределы профессионализма в область посланничества, выполнения роли посредника между природой и обществом, обладающих видением будущего [8, с. 321]. На место прежних тайн и мифов приходят новые. Возвышение будущего и природы, наиболее осязаемое в глубокой экологии, касается и других групп. Только охотники с большим интересом относятся к прошлому. Каждая группа из партнерства с природой черпает легитимность своего общественного авторитета.

В гипотетической ситуации, в которой можно было бы надеяться на силу разума, участники дискурса смогли бы принять плюрализм концепции, преодолеть страх перед различиями и избавиться от желания уничтожить противника [20]. Чтобы такое произошло, господствующее положение должна занять этика справедливости, согласно которой каждый имеет право голоса и равноправного участия в дискурсе. Временное объединение усилий может обусловить появление общей угрозы или общего врага (пример протеста всех обсуждаемых групп против приватизации лесов в 1998 году). В нынешней ситуации единственным шансом позитивного влияния разнообразия на концепцию охраны природы мы видим в потенциальной возможности общественной мобилизации — разные организации убеждают различные общественные категории в необходимости определенных инициатив относительно тех аспектов, которые не вызывают особого противостояния.

Литература

1. *Czyżewski M., Kowalski S., Piotrowski A.* Rytualny chaos. Studium dyskursu publicznego. — Kraków, 1997.
2. *Duszek A.* Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. — Warszawa, 1998.
3. *Gliński P.* Polscy Zieloni. Ruch społeczny w okresie przemian. — Warszawa, 1996.
4. *Habermas J.* Filozoficzny dyskurs nowoczesności. — Kraków, 2000.
5. *Hałas E.* W kierunku socjologii procesów symbolicznych // *Studia Socjologiczne.* — 1998. — 2. — S. 25–43.
6. *Hałas E.* Symbole w interakcji. — Warszawa, 2001.
7. *Horkheimer M.* Krytyka instrumentalnego rozumu. Społeczna funkcja filozofii. — Warszawa, 1987 [1946]. — S. 244–413.
8. *Kurczewska J.* Technokraci i ich świat społeczny. — Warszawa, 1997.
9. *Lemert C., Cillan G.* Michel Foucault. Teoria społeczna i transgresja. — Warszawa, 1999.
10. *Schein E.H.* Organizational Culture and Leadership. — San Francisco, 1997.
11. *Szacki J.* Spotkania z utopią. — Warszawa, 2000.
12. *Szmatka J.* Małe struktury społeczne. — Warszawa, 1989.
13. *Trutkowski C.* Społeczne reprezentacje polityki. — Warszawa, 2000.
14. *van Dijk T.* Critical Discourse Analysis (1998). — www.lct.uva.nl/~teun
15. *van Dijk T.* Dyskurs jako struktura i proces. — Warszawa, 2001.
16. *Veblen T.* Teoria klasy próżniaczej. — Warszawa, 1998.
17. *Weber M.* Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej. — Warszawa, 2002(1992).
18. *Weber M.* Nauka jako zawód i powołanie. Polityka jako zawód i powołanie. — Kraków, 1998 [1919]. — S. 111–140.
19. *Welsch W.* Rozum i przejścia. O rozumie transwersalnym // *Rozumność i racjonalność.* — Poznań, 1997. — S. 91–110.
20. *Znaniecki F.* Społeczne role uczonych. — Warszawa, 1984 [1940].

Перевод с польского Натальи Сидяченко